

Я ЗАСТАЛА народную артистку СССР Вию Артмане за письменным столом: она писала письмо воинам Прибалтийского округа. Письмо о любви...

— Играть куда легче, чем теоретизировать на эту тему. Я бы лучше прочитала им монолог Джульетты...

И начался разговор о... любви. Что же такое любовь в жизни современного человека? И какое место занимает на сегодняшней сцене?

— Мне кажется,— сказала Вия, — надо больше и ярче говорить со сцены, с экрана о любви. Я имею в виду не вульгарное кокетничанье, не пошленький флирт. Я говорю об истинной, чудодейственной силе любви. Помните, как сказал поэт: «Горы рушатся, небо меркнет, а любовь остается жить».

Мне кажется, мы мало и не очень серьезно еще подходим к

своим чувствам, не сковывал их, не прятал. Конечно, нужны не всякие чувства, а лишь те, которые раскрывают идейный замысел художника.

Я — за театр, романтически открыленный, возвышенный и возвышающий зрителя идейно, нравственно, утверждающий красоту и благородство человека.

Театр будущего, по-моему, — это театр открытых страстей. Именно так я понимаю известное положение Фр. Энгельса о том, что драма будущего будет представлять собой «полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического смысла... с шекспировской живостью и действенностью».

Некоторые считают «хорошим тоном», «новаторством» приглушенную, монотонную дикицию, спрятанные, замаскированные чувства, полунамеки вместо страстей. Похоже, что эта мода культивируется людьми душев-

— Вам приходилось работать с очень разными режиссерами: Смильгисом, Ф. Эртнером, Петерсоном и другими — в театре, В. Арманом, Л. Лейманисом, В. Жалакявичусом и другими — в кино. Как складывались ваши взаимоотношения с ними? Треугольник: режиссер—актер—зритель... Что вы сказали бы по этому поводу?

— Пожалуй, творческий процесс не укладывается в «треугольник». Если уж пользоваться для сравнения геометрическими фигурами, то это гораздо более сложная и многоугольная фигура. Это длинная цепь одинаково ответственных за исход процесса компонентов, и важнейший из них — зритель. Все, что мы (драматург, режиссер, актер, художник, композитор и многие другие) задумали, выстрадали, утверждали, может быть отвергнуто или непонято зрительным залом в том случае, когда огонь страстей был скорректирован неточно, какие-то психологические, эмоциональные акценты расставлены неверно. Бывали спектакли, не принятые зрителями на премьере, но в конце концов завоевавшие их признание (так было, например, в нашем театре с постановкой пьесы В. Брехта «Господин Пунтила и его слуга Матти»).

Теперь о взаимоотношениях с режиссером.

Мне особенно близок возвышенно-окрыленный, могучий стиль режиссера Смильгиса. Я люблю романтический стиль Леонида Лейманиса, большое удовлетворение принесла мне, в частности, работа над фильмом «Эдгар и Кристина». Но я отнюдь не отрицаю и иные режиссерские «почерки». Чем шире диапазон режиссуры, тем разностороннее развертываются возможности артиста. Важно только, чтобы между режиссером и исполнителем (какое, между прочим, неверное, обидное это слово — «исполнитель!») устанавливалось полное единение, полное взаимное доверие.

Как бы ни был убежден в своей правоте режиссер, актер должен выработать и иметь свою позицию, свою убежденность, свою творческую волю, не идущие, конечно, вразрез с режиссерскими, но и не копирующие слепо его посылы. Если в спектакле «выпирает» режиссер, как бы умен и находчив он ни был, спектакль останется мертвым, он никого не взволнует. Профессия актера вечна. И он, актер, всегда будет нести людям заряд благородных чувствований, чистых страстей, выражать (и защищать!) большую правду искусства. Нет, актер не исполнитель чужой воли, не «флейта», на которой кто-то играет, не оловянный солдатик в чьих-то руках, а активный сообщник драматурга и режиссера, вершитель их судеб. Ведь бывают случаи, когда актер не только развивает замысел режиссера, но и лучше его самого понимает этот замысел.

В «многоугольнике» творческого процесса в кино, например, особую роль для меня играет оператор. В кинематографе нет прямого контакта актера со зрителем. А чувство контакта необходимо актеру, как кислород — легким. Его-то и восполняет для меня оператор. Он — мой первый доброжелательный зритель, самый верный и самый добрый судья. Я всегда должна ощущать на себе его подбадривающий, требовательный взгляд, устремленный на меня через глазок камеры.

— Кино или театр? Что вам дороже, ближе?

— Не мысля своей жизни ни без того, ни без другого.

Мне хотелось бы сыграть в кино Шекспира, Шиллера, Толстого, Чехова... Но больше мечтаю я о новой встрече с моей современницей — советской женщиной, с присущей ей женственностью и твердостью, лиризмом, нежностью и готовностью к самопожертвованию. С ее умением любить.

— Недавно ваш театр поставил «Список благоденний» Ю. Олеси. Интересны ваши соображения об этой постановке. Как относитесь вы к своей героине — актрисе Елене Гончаровой?

— Пьеса Ю. Олеси, написанная чуть ли не сорок лет назад, сложна для постановки, противоречива, неоднородна. Местами странно соседствуют «любовая» прямолинейность с почти абстрактными символами. Но, несмотря на это, пьеса дала возможность утвердить сценическими средствами наш краеугольный принцип: художник не имеет права на нейтралитет, на пассивное регистрирование фактов. С кем вы, мастера культуры? — повторяет спектакль горьковский погроб. И моя Елена Гончарова погробает, став жертвой соблазна двойственности, духовного компромисса. Ибо в жестокой идеологической борьбе двух миров художник должен занять определенное место.

Простите мне личную ассоциацию. Вот мои ребята, Каспар и Кристиана. Как всякая мать, я, конечно, вижу их недостатки, иногда огорчаюсь, ругаю, наказываю. Но никому не дам их в обиду. Потому что они — лучшая часть меня самой, моя плоть, мое будущее, моя любовь.

От сердца к сердцу — таковы артерии, связывающие актера и зрителя, художника и его народ. И нет высшего счастья, чем ощущать, что твоя страсть, твоя любовь вызывают ответную страсть, ответную любовь в зрительном зале. Выражая свою душу, я одновременно выражаю душу своего народа.

И нет беды страшнее для художника, чем потерять любовь своей Родины.

Беседу вела
Ольга МАКАРОВА.

РИГА.

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

Тысячи рижан, жителей города-курорта Юрмалы, посланцы других городов страны стали свидетелями красочного праздника, посвященного открытию летнего курортного сезона.

На пляже в Дзинтари состоялось театрализованное представление, в котором приняли участие Сын рыбака (народный артист республики Э. Павулс), космонавт, прилетевший на празднество на вертолете (артист Г. Плаценс). На машине-амфибии прибыла Дайле — дочь Балтийского моря (народная артистка СССР Вия Артмане). Вы видите ее на снимке.

вопросу о воспитании чувств. В результате формирование личности иногда отстает от физического созревания молодого человека.

У меня двое детей. Кристиана еще малышка, а Каспар уже в пятом классе. И школа хорошая, и парень он неплохой. Но я замечаю, что в школе не очень-то обращают внимание на особенности каждого характера, не воспитывают чувства в соответствии с индивидуальными особенностями детей. Ребят снабжают множеством сведений, бесспорно, необходимых современному человеку. Ну, а эмоции?.. Дружба, ради которой можно, не задумываясь, пойти на подвиг, любовь, окрыляющая и зовущая на солнечные дали. Чувство красоты родной природы, жажда музыки... Без всего этого невозможно формирование романтического идеала, необходимого, пожалуй, каждому. Пути к нему у разных людей разные. Вот и надо понять, какой путь наиболее подходит тому или иному подростку, и незаметно, терпеливо направлять его на этом пути.

Я знаю: учителя перегружены, у них до каждого детского характера «не доходят руки». Не всегда и дома этому уделяется достаточно внимания. На помощь должно прийти искусство — театр, кино, телевидение, радио... Но и тут, видно, «не доходят руки».

И возникает, на мой взгляд, опасность: современный человек с высокоразвитым интеллектом, вооруженный нескончаемым потоком фактов, знаний, достаточно ли он подготовлен к восприятию мира прекрасного, достаточно ли он эмоционально развит, прошел ли он своевременно школу чувств? Ведь без этого гармоничное развитие личности невозможно.

Скажите, почему мы порой прчем от детей, подростков тему любви? Боимся «испортить нравы»? Но ведь народные сказки, на которых выросли мы сами, немислимы без той самой могучей и прекрасной любви, которая превращает человека в богатыря, помогает Лячплесису защитить нежную Лаймдоту, а гордой Спидоле — обрести счастье в борьбе! Право же, попытка «спрятать голову под крыло» ведет лишь к пробуждению у подростков болезненного интереса к сексуальным вопросам, ибо запретный плод сладок.

Итак, я — за тему любви в искусстве.

— В связи с этим, на мой взгляд, возникает вопрос о взаимоотношении интеллектуального и эмоционального в искусстве. Как вы относитесь к самой идее «интеллектуального театра»?

— По-моему, она весьма спорна. Основанная на глубокой мысли, искусство обязательно должно открывать простор созидать духовное «состояние, настроение, чувство», о которых говорил Лев Николаевич Толстой, утверждал, что только оно и есть истинное искусство.

Мой учитель Эдуард Смильгис требовал, чтобы артист доверял

но ленивыми, а иногда и просто служит прикрытием слабой техники речи, отсутствия пластики, неумением говорить и двигаться по сцене.

— Как вы понимаете современный актерский стиль? Характеризует ли его усиленная работа мысли, интеллектуальность?

— Мне кажется, нельзя противопоставлять в искусстве интеллект эмоциям. Сегодняшние актеры — интеллектуальные, культурные, партийные в своем отношении к искусству люди. И нам отнюдь не безразлично, что и ради чего мы представляем. Но, составив себе определенный взгляд на образ, на пьесу, осознав и восприняв идею автора, мы должны открыть шлюзы страстей. Иначе наше искусство никого не взволнует, не зажжет, не окрылит. И наша цель, как бы она ни была возвышенна и благородна, окажется не достигнутой.

Я придаю особое значение актерской интуиции. Первая встреча с образом, первое прочтение роли всегда вызывают у меня яркий эмоциональный импульс. Потом начинается мучительный ход «следствия» и «суда» над будущей героиней. Считаю, взвешиваю все «за» и «против». Выстраивается в моем сознании длинная цепь логических аргументов, приводящая к рациональному выводу. Потом... я перестаю думать обо всем этом и начинаю жить жизнью своей героини.

Впрочем, у каждого своя «технология», свой путь к образности.

Истинным праздником бывают для меня встречи с героями Михаила Ульянова. Его Трубников, Митя Карамазов, — это ураган страсти, сплав мысли с открытой и бурной эмоциональностью. Заветная моя мечта — сыграть в кино женский образ, родственный лирическому герою А. Баталова.

— Мне кажется, первый шаг по этому пути вы сделали, сыграв Соню в фильме «Родная кровь».

— Я рада, если это действительно так. Во всяком случае Соня — моя любимая роль в кино. Но со дня выхода фильма прошло уже долгих пять лет...

— Как протекала ваша работа в Художественном академическом театре имени Я. Райниса над ролью Настасьи Филипповны? Как интерпретировали вы вместе с режиссером-постановщиком Петерисом Петерсоном один из сложнейших и прекраснейших женских образов русской классики?

— Я стремилась найти свой собственный ключ к тайне этого странного, противоречивого, глубоко несчастного и гордого характера. Может быть, моя Настасья Филипповна получила чуть лиричнее, задумчивее, аскетичнее великолепного образа, созданного Юлией Борисовой.